

УДК 339.54:339.923:061.1

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.4.166-175>

Л. А. ТРАВИНА¹
С. А. КАТУШЕНКО²

¹ Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

² Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

ПРАВОМЕРНОСТЬ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ И ОТВЕТНЫХ МЕР В РАМКАХ ЧЛЕНСТВА ВО ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Цель: определение степени правомерности введенных антироссийских санкций и ответных мер с позиции права Всемирной торговой организации, оценка перспектив возможного обращения в Орган по разрешению споров.

Методы: поставленная цель достигается посредством как общих, так и специальных научных методов. К общенаучным методам, использованным автором, следует отнести индукцию, дедукцию, системный метод, синтез и обобщение. Автор использует формально-юридический метод для толкования норм права. Кроме того, применен исторический метод для исследования истории экономических санкций.

Результаты: сделан вывод о том, что формально введенные санкции соответствуют праву Всемирной торговой организации, однако положение, их позволяющее, представляется весьма пространным. Кроме того, утверждается, что российские ответные меры могут быть оправданы тем же положением, что и антироссийские санкции, но в то же время позиция российской стороны является более выгодной в меру ряда других положений актов Всемирной торговой организации. Также сделан вывод о том, что перспективы разрешения конфликта в рамках Органа по разрешению споров представляются маловероятными.

Научная новизна: в статье изучено законодательство Всемирной торговой организации и национальные законодательства сторон конфликта по изучаемому вопросу, проанализирован широкий спектр отечественных и зарубежных научных работ, на основе этого предложено авторское определение понятия экономических санкций, под которым понимается совокупность действий ограничительного характера в рамках экономической деятельности, используемых одним участником взаимоотношений (субъект санкций) по отношению к другому (объект санкций) и направленных на принудительное побуждение к корректированию выбранного политического курса.

Практическая значимость: базовые положения настоящей работы могут быть использованы в рамках исследовательской деятельности по вопросу правомерности антироссийских экономических санкций и ответных мер в рамках права Всемирной торговой организации. Кроме того, работа может представлять интерес для практикующих юристов и студентов, изучающих международное право.

Ключевые слова: международное право; Всемирная торговая организация; экономические санкции; ответные меры; правомерность; Европейский союз; Соединенные Штаты Америки; Российская Федерация

Как цитировать статью: Травина Л. А., Катушенко С. А. Правомерность антироссийских санкций и ответных мер в рамках членства во Всемирной торговой организации // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 4. С. 166–175. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.4.166-175

Введение

Ни в одном из соглашений Всемирной торговой организации (далее – ВТО) термин «экономические санкции» не употребляется. Речь, как правило, идет о «приостановлении уступок или других обязательств»¹.

Обращаясь же к зарубежным исследованиям, можно найти следующее определение: «Экономические санкции – преднамеренные, инициированные правительством меры по разрыву или по угрозе разрывом

¹ «Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации» (вместе с «Многосторонними согла-

шениями по торговле товарами») (заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. V). 10 сентября. С. 2019–2031.

традиционных торговых или финансовых отношений» [1, с. 233]. В данном контексте представляются необходимыми выработка отечественного подхода к этому определению и закрепление данной дефиниции на доктринальном и законодательном уровнях. Также предлагается подкрепить соответствующий анализ обзором и оценкой правомерности антироссийских экономических санкций и ответных мер в рамках права Всемирной торговой организации.

Результаты исследования

История экономических санкций. Говоря об экономических санкциях, представляется разумным осветить историю этого вопроса. Следует отметить, что данное явление сопровождает человечество на протяжении большей части мировой истории. Так, первое описанное применение экономических санкций имело место в Древней Греции. Древние Афины в 423 г. до н. э. ввели запрет для торговцев из находящегося на Пелопонесском перешейке города Мегара посещать свои порты и рынки с целью прекращения практики приема беглых афинских рабов и распашки приграничных земель мегарийцами. Данный эпизод известен как «Мегарская псефизма» и послужил одним из поводов сокрушительной для Афин войны против Спарты.

В средневековой Европе экономические санкции большого распространения не получили и носили преимущественно местный и непостоянный характер. Это обуславливалось непрерывной сменой конфигурации торговых и военных союзов, а также интересов конкретных правителей.

Первые годы XIX в. были ознаменованы началом использования разного рода экономических блокад. Так, 16 мая 1806 г. король Великобритании Георг III королевским декретом объявил морскую блокаду Франции и ее союзникам, в ответ на что 21 ноября того же года Наполеон издал Берлинский декрет, вводящий так называемую Континентальную блокаду. Вероятно, не стоит особо отмечать, к каким последствиям привело нарушение данной блокады Российской империей. В дальнейшем, вплоть до начала Первой мировой войны, было зафиксировано множество блокад, инициированных преимущественно крупными европейскими государствами в отношении таких стран, как Турция, Португалия, Нидерланды, а также многих других.

В XX в. экономические санкции получили еще большее распространение с развитием торговых от-

ношений между государствами. Так, еще до начала Второй мировой войны ограничения подвергались Югославия, Греция, Италия, Боливия и Парагвай². После окончания войны США активно использовали санкции для давления на СССР начиная с 1948 г., в 1949 г. такие ограничения нашли закрепление в Export Control Act, впрочем, в условиях разделения мира на два блока данные санкции не были слишком эффективны³. Более того, даже европейские союзники США не отказались от экспорта энергоносителей из Советского Союза ни в 1949 году, ни в период обострения холодной войны во время президентства Рональда Рейгана. Однако, несмотря на все противоречия, дважды в истории СССР и США вводили совместные экономические санкции – в отношении ЮАР и Родезии в рамках Совета Безопасности ООН. Другими словами, здесь мы уже можем говорить об многосторонних санкциях. Такие санкции стали применяться гораздо чаще после 1990 г., им были подвергнуты, например, Ирак, Югославия, Иран, КНДР и многие африканские страны.

Безусловными же лидерами по применению односторонних санкций являются США, которые в течение временного промежутка с окончания Первой мировой войны и до 1992 г. применили санкции 54 раза, а с 1993 по 2002 гг. – уже 84 раза [2, с. 166]. Таким образом, можно заключить, что односторонние санкции стали популярным инструментом США на международной арене. Ярким примером такой политики можно считать Кубу, которая, являясь старейшим членом ВТО, с 1960 г. находится под действием экономического эмбарго, которое, впрочем, может быть пересмотрено в ближайшее время на фоне потепления американо-кубинских отношений.

Итак, можно провести грань между односторонними и многосторонними санкциями [3, с. 47–59]. В случае с Россией односторонними санкциями США и ЕС являются в том плане, что эти меры (в отличие от упомянутых прецедентов против ЮАР и Родезии) не одобрены Советом Безопасности ООН. И, как замечают И. Гудков и Н. Мизулин, должны рассматриваться

² Логинова А. С., Травина Л. А. Сравнительный анализ практики вступления Китая и России в ВТО // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 256–257.

³ См. 63 Stat. 7, 50 U.S.C. App. § 2021-32 (1952). Cited in Silverstone.

как недружественные действия в отношении России, преследующие политические цели, не одобренные международным сообществом в целом и имеющие основания лишь на уровне норм национального законодательства [4, с. 47]. Если же экономические санкции были введены страной – членом ВТО в соответствии со своими обязательствами на основании решения Совета Безопасности ООН, то в рамках п. «С» ст. 21 Генерального соглашения по тарифам и торговле такие действия будут считаться, безусловно, правомерными⁴.

Санкции и ответные меры. Кратко рассмотрев историю экономических санкций, обратимся к тому, каким образом они затронули нашу страну уже в современности. По результатам референдума 16 марта 2014 г. в Автономной Республике Крым и городе Севастополе данные территории вошли в состав Российской Федерации в качестве 84-го и 85-го регионов. Не вдаваясь в оценку данного события, мы можем лишь констатировать, что с этого момента на фоне общего ухудшения двусторонних отношений начал раскручиваться маховик экономических санкций с Европейским союзом, США и некоторыми другими странами с одной стороны и с Российской Федерацией с другой. Европейский союз, Североатлантический альянс и США рассматривают присоединение Крымского полуострова к России не иначе как аннексию [5].

Практический ответ не заставил себя ждать, и уже 17 марта был принят регламент Совета ЕС № 269/2014, вводящий индивидуальные санкции в отношении 21 гражданина России и Украины. Впоследствии этот список по мере нарастания интенсивности украинского кризиса многократно расширялся, и на данный момент в редакции от 16.09.2015 содержит в себе список из 151 физического лица и 37 организаций⁵.

Аналогичный список был составлен и в США, где президент в своем указе «Вклад в ситуацию на Украине» от 06.03.2014 поручил Министерству финансов Соединенных Штатов составить санкционный

список, который в дальнейшем также неоднократно расширялся⁶. Кроме того, такого рода списки были составлены и в других государствах.

Таким образом, изначально санкции носили индивидуальный характер, вводя ограничения против конкретных физических и юридических лиц, которые, с точки зрения стран Запада, были причастны к не устраивающей их политике России в отношении Украины. Такие ограничения выражались в визовых запретах и замораживании находящихся на территории соответствующих стран активов внесенных в список лиц и организаций [6, с. 55–58].

16 июля 2014 г. США сделали следующий шаг и ввели уже секторальные санкции⁷. 31 июля 2014 г. Европейский союз пошел вслед за США и ввел аналогичные санкции, которые имеют направленность против трех ключевых отраслей российской экономики: военно-промышленного комплекса, нефтяной и банковской сфер. В регламенте Совета ЕС № 833/2014 от 31.07.2014 особо отмечается, что представляется рациональным наложить на Россию дополнительные ограничительные меры с целью увеличения ее затрат на «осуществление действий, которые подрывают территориальную неприкосновенность Украины, ее суверенитет и независимость» с целью продвижения мирного разрешения сложившегося кризиса. С тем чтобы осуществить вышеуказанную задачу, во-первых, было введено эмбарго на экспорт в Российскую Федерацию товаров двойного назначения. Во-вторых, для пяти российских банков с государственным участием – Сбербанк, Газпромбанк, Россельхозбанк, ВТБ и ВЭБ – был введен запрет на доступ к рынку долгосрочных заимствований. Наконец, в-третьих, был введен запрет на ввоз в Россию определенного оборудования для нефтепромыслов⁸.

Несмотря на заявленную ЕС цель санкций в виде давления на Россию, с тем чтобы последняя изменила свою политику в отношении Украины, многие

⁴ Ст. 21. «Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года» (ГАТТ/GATT) (вместе с «Договоренностями в отношении положений о платежном балансе, освобождения от обязательств, о толковании статей II:1 «b», XVII, XXIV, XXVIII», «Марракешским протоколом...») (заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // Собрание законодательства РФ. 2012. 10 сентября. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2524–2538.

⁵ Council Regulation (EU) No. 269/2014 // Official Journal of the European Union. L 78/6-15.

⁶ Federal Register. Vol. 79. No. 46. Monday, March 10, 2014. Pp. 13493–13495.

⁷ Announcement of Treasury Sanctions on Entities Within the Financial Services and Energy Sectors of Russia, Against Arms or Related Materiel Entities, and those Undermining Ukraine's Sovereignty. URL: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl2572.aspx> (дата обращения: 04.02.2016).

⁸ Council Regulation (EU) No. 833/2014 // Official Journal of the European Union. L 229/1-11.

эксперты высказываются о том, что истинной целью санкций является попытка дестабилизации ситуации в Российской Федерации [7, с. 63–64]. Так, депутат Государственной Думы В. В. Гутенев полагает, что антироссийские санкции следует рассматривать как действия США, направленные на дестабилизацию политической ситуации для достижения собственных целей. Депутат относит к этим целям переориентацию европейских потребителей на более дорогие американские продукты через блокирование российского рынка, а также подрыв научного потенциала Европы⁹. В самой Европе отмечают, что главной целью санкций ЕС против России является все же разрешение украинского кризиса, впрочем, признавая, что введенные ограничения в достаточной степени дестабилизируют обстановку внутри России¹⁰. В то же время представители Соединенных Штатов заявляют, настаивая на своей трактовке событий в Крыму, что санкции являются своего рода наказанием за присоединение Крыма и политику в отношении Украины в целом, впрочем, отмечая, что данные меры не направлены против населения России. «Мы заявили, что у захвата, аннексии Крыма будут последствия, – санкции и есть эти последствия», – отметил представитель Госдепартамента Джошуа Бейкер¹¹.

Если индивидуальные санкции были введены против конкретных лиц, что с формальной точки зрения не позволяло говорить об агрессивных действиях в отношении государства [8, с. 66], то секторальные подставили под удар важнейшие отрасли отечественной экономики, что незамедлительно вызвало ответ со стороны Российской Федерации. Уже 6 августа 2014 г. Владимир Путин подписал Указ № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской

Федерации»¹². Данный документ стал базой для Указа Правительства Российской Федерации № 778 от 07.08.2014, вводящего эмбарго на определенные виды сельскохозяйственной продукции¹³.

Таким образом, как отмечают И. Гудков и Н. Мизулин, санкции как по своему содержанию, так и по своему субъектному составу не являются статичными, имея свойство к постоянному расширению [4, с. 47]. К примеру, в конце февраля 2016 г. так называемые «ястребы» предложили американскому президенту ввести в отношении России новые санкции, но в этот раз под предлогом возможного срыва перемирия в Сирии¹⁴.

Правомерность санкций и ответных мер с позиций права ВТО. Отложив в сторону политическую сторону вопроса, вокруг которой и без того было сломано немало копий, мы сфокусируемся на правовой оценке санкций и ответных мер с точки зрения права Всемирной торговой организации, членами которой являются все противоборствующие стороны. Ведь в качестве одного из важных достоинств ВТО эксперты называют возможность эффективного разрешения конфликтов в рамках органа по разрешению споров¹⁵. Так, многие официальные лица Российской Федерации, включая премьер-министра, говорили об оспаривании экономических санкций в ВТО¹⁶. Министр экономического развития РФ подчеркнул, что мы не отказываемся от намерения оспорить санкции в ВТО [9, с. 35–36], по его словам, на осень 2014 г. соответствующие иски находились в разработке¹⁷.

⁹ Реакция на новые санкции США против российских компаний // ТАСС: информационное бюро. 02.09.2015. URL: <http://tass.ru/politika/2228133> (дата обращения: 04.02.2016).

¹⁰ Берлин: новые санкции могут ввергнуть Россию в хаос // BBC Русская служба. 05.01.2015. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/01/150105_germany_warns_against_new_russian_sanctions (дата обращения: 04.02.2016).

¹¹ США настаивают на эффективности санкций по Крыму против России // BBC Русская служба. 17.03.2016. URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/03/160317_us_crimea_sanctions_baker (дата обращения: 20.03.2016).

¹² Указ Президента РФ № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» от 06.08.2014 // Собрание законодательства РФ. 2014. 11 августа. № 32. Ст. 4470.

¹³ Постановление Правительства РФ № 778 «О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 и от 24 июня 2015 г. № 320» от 07.08.2014 // Собрание законодательства РФ. 2014. 11 августа. № 32. Ст. 4543.

¹⁴ США готовят план «Б» на случай срыва перемирия в Сирии // Радио «Эхо Москвы». 24.02.2016. URL: <http://echo.msk.ru/news/1718184-echo.html> (дата обращения: 02.03.2016).

¹⁵ Россия в ВТО // Правительство Нижегородской области: официальный сайт. URL: <http://government-nnov.ru/?id=22214> (дата обращения: 02.03.2016).

¹⁶ Россия оспарит санкции Запада в ВТО. URL: <http://www.rg.ru/2014/09/19/medvedev-site.html> (дата обращения: 02.03.2016).

¹⁷ Улюкаев: Россия не отказывается оспаривать в ВТО санкции Запада // РИА Новости. 22.10.2014. URL: <http://ria.ru/economy/20141022/1029481382.html> (дата обращения: 02.03.2016).

Однако по сей день каких-либо конкретных шагов предпринято не было. Таким образом, представляется весьма актуальным рассмотрение правомерности санкций и ответных мер с позиций норм ВТО.

Пункт 1 ст. 2 Марракешского соглашения закрепляет положение, в соответствии с которым Всемирная торговая организация создает универсальные институциональные рамки для реализации странами – участницами торговых отношений, которые относятся к соглашениям и связанным с ними правовым актам. Также говорится, что ВТО играет роль форума для осуществления переговоров между ее членами по вопросам их многосторонних торговых отношений, связанных с соглашениями, которые содержатся в приложениях к Марракешскому соглашению. Пункт 1 ст. 9 данного соглашения указывает на то, что члены ВТО равны между собой и, кроме того, должны опираться на переговорный процесс при разрешении возникающих споров. Кроме того, ст. 11 прямо запрещает любые количественные ограничения экспорта и импорта в отношении стран – участниц договора¹⁸. Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, предоставляет ВТО ряд административных полномочий, закрепляет специализированный орган по разрешению споров и регламентирует так называемые добрые услуги, согласительную процедуру и посредничество¹⁹.

Однако нормы ВТО предусматривают и изъятия из этих принципов. Так, ст. 21 Генерального соглашения по тарифам и торговле закрепляет ряд правовых оснований для применения исключений из общих принципов ВТО по соображениям безопасности в дополнение к ст. 20, предусматривающей общие исключения [10, с. 16–17]. К данным исключениям относятся: защита государственной тайны, забота о существенных интересах своей безопасности, предотвращение угрозы миру и актов агрессии в рамках самообороны или во исполнение решений Совета Безопасности ООН:

«Ничто в настоящем Соглашении не должно быть истолковано:

a) как требование к какой-либо Договаривающейся Стороне предоставлять какую-либо информацию, раскрытие которой она может рассматривать как противоречащее существенным интересам ее безопасности, или

b) как препятствующее какой-либо Договаривающейся Стороне предпринимать такие действия, которые она считает необходимым для охраны существенных интересов своей безопасности:

i) в отношении расщепляемых материалов или материалов, из которых они получают;

ii) в отношении торговли оружием, боеприпасами и военными материалами, а также торговли другими товарами и материалами, которая осуществляется прямо или косвенно для целей снабжения вооруженных сил;

iii) если они предпринимаются в военное время или в других чрезвычайных обстоятельствах в международных отношениях, или

c) как препятствующее какой-либо Договаривающейся Стороне предпринимать какие-либо действия во исполнение ее обязательств на основании Устава Организации Объединенных Наций для сохранения международного мира и безопасности»²⁰. Аналогичные положения содержатся и в Генеральном соглашении по торговле услугами²¹. И именно соображениями национальной безопасности объясняется применение санкций Соединенными Штатами. В уже упомянутом президентском указе «Вклад в ситуацию на Украине» Барак Обама утверждает, что политика Российской Федерации в отношении Украины «представляет необычайную и экстраординарную угрозу национальной безопасности и внешней политике Соединенных Штатов», кроме того, президент в данном указе объявляет чрезвычайную ситуацию национального масштаба²². Европейский союз и вовсе, как отмечают В. В. Гриб и М. А. Егорова, не счел необходимым как-либо законодательно обосновывать санкции со своей стороны в резолюциях Совета Европы. Что логично, так как вопросы безопасности в структуре

¹⁸ Ст. 2, 3, 9, 11 Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации.

¹⁹ Ст. 5 Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации. Приложение № 2 Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров.

²⁰ Ст. 20, 21 Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г.

²¹ Ст. 14 Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г.

²² См. Federal Register. Vol. 79, No. 46. Monday, March 10, 2014. Pp. 13493–13495.

европейского законодательства находятся в ведении каждого отдельного члена Европейского союза, а не Совета Европы [11, с. 50].

Между тем несложно заметить, что указанные положения пп. 3 п. В имеют весьма пространную формулировку, которая позволяет каждой стороне применять свою собственную трактовку. В научной литературе отмечается, что такое положение дел дает пространство для недобросовестных действий, другими словами, для злоупотребления правом [12, с. 684]. Более того, именно указанное основание используется для оправдания подавляющего большинства односторонних санкций в мире. Соединенные Штаты, к примеру, именно соображениями безопасности оправдывали уже упомянутое эмбарго против Кубы или эмбарго против Никарагуа [12, с. 50]. В случае с Никарагуа Международный суд ООН признал эмбарго незаконным²³. Последнее, впрочем, не помешало США снять санкции лишь в 1990 г., когда, по их мнению, угроза национальной безопасности миновала.

С другой стороны, истории известны примеры, показавшие, что и у этой нормы есть свои границы и что соображения безопасности не всегда могут обеспечить стране карт-бланш в нарушении норм ВТО по неэкономическим причинам. Так, в 1975 г. Швеция попыталась ввести квоты на ввоз в страну определенных видов обуви. При этом представители этого государства заявляли, что поддержание определенного уровня производства обуви внутри страны неотделимо от потребности обеспечения жизненно важных товаров, которые будут являться необходимыми в случае войны или другой чрезвычайной ситуации в международных отношениях. В ходе обсуждения такой меры в Совете ГАТТ делегаты пришли к выводу, что введенные со стороны Швеции меры не являются оправданными, и последняя была вынуждена отменить введенные квоты [13].

Таким образом, несмотря на тот факт, что с точки зрения норм Всемирной торговой организации и положений Генерального соглашения по тарифам и торговле Российская Федерация ничего не нарушала в сфере международной торговли, действия Соединенных Штатов вполне вписываются в норму

пп. 3 п. В ст. 21 Генерального соглашения по тарифам и торговле благодаря ее неопределенности. С другой стороны, и действия Европейского союза могут быть легко оправданы данным положением, даже если напрямую о наличии угрозы Европе речь и не шла. Вероятно, именно такой ситуацией и обуславливается пассивность России по вопросу оспаривания санкций.

Но в то же время и Российская Федерация может использовать указанное положение с целью защиты введенных ответных мер. При этом позиция России в этом вопросе представляется более обоснованной. Во-первых, российская сторона не являлась инициатором начавшегося санкционного давления, хотя, конечно, санкции и были введены в ответ на действия России в отношении Украины. Во-вторых, как отмечают В. В. Гриб и М. А. Егорова, п. 1 ст. 13 ГАТТ гласит, что договаривающаяся сторона не вправе применять какие-либо меры по запрещению импорта какой-либо другой страны-участницы за исключением случаев, когда импорт подобного товара был подобным образом ограничен²⁴. Таким образом, толкуя данный принцип, авторы делают вывод о том, что, если права Российской Федерации были нарушены, что, собственно, и имело место быть, то наша страна вправе прибегнуть в одностороннем порядке к самозащите в различных формах [11, с. 57]. В-третьих, договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, предусматривает, помимо прав потерпевшей стороны на процедуру добрых услуг, согласительную процедуру и процедуру посредничества, право обратиться с жалобой в Орган по разрешению споров с целью создания третейской группы²⁵. Наконец, в-четвертых, определенные статьи ГАТТ предоставляют Российской Федерации в сложившейся ситуации введенных санкций право на меры по защите своих интересов. Так, ст. 12 Генерального соглашения по тарифам и торговле предоставляет право на введение ограничения количества или стоимости товаров, разрешенных к импорту в целях обеспечения своего внешнего финансового

²³ Nicaragua v. United States of America. International Court of Justice June 27, 1986 // General List, No. 70.

²⁴ Ст. 13 Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г.

²⁵ Ст. 5 Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации. Приложение № 2 Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров.

положения и платежного баланса²⁶. Данное положение может быть весьма актуальным, если учитывать, что санкции, кроме прочего, имели направленность против финансового сектора.

Как мы отметили, у России есть право обратиться с жалобой в Орган по разрешению споров. Однако специфической чертой правовых норм ВТО является то, что они не имеют механизма, который бы эффективно обеспечивал их принудительное исполнение. Итак, даже в том случае, если Россия обратится в Орган по разрешению споров и по результатам рассмотрения спора будет принято решение в пользу потерпевшей стороны, признающее антироссийские санкции не соответствующими принципам ВТО и выходящими за рамки защиты национальной безопасности (как это было в описанном случае со Швецией), то нарушившая сторона будет иметь выбор. Так, первая опция заключается в устранении нарушения, то есть в отмене санкций, а вторая – в предоставлении России приемлемой компенсации по результатам переговоров. Впрочем, если нарушившая сторона не сделает ничего из этого, то Орган по разрешению споров сможет лишь одобрить введение Россией аналогичных ответных мер, которые, собственно, уже введены²⁷. Таким образом, как отмечают И. Гудков и Н. Мизулин, включение Россией механизмов ВТО даже в случае положительного решения даст лишь дополнительные политические очки [4, с. 49].

Такое положение вещей дает некоторым авторам основание говорить о необходимости введения механизма принудительного исполнения решений Органа по разрешению споров в целях достижения положительного результата [8, с. 67]. Однако необходимо задуматься, насколько верно данное утверждение. Так, один из разработчиков упомянутой ст. 21 ГАТТ пояснил принятую формулировку следующим образом: «Здесь необходима определенная широта из соображений безопасности. Это на самом деле вопрос баланса. Необходимо иметь определенные исключения. Мы не можем сделать их слишком узкими, так как мы не вправе запретить меры, которые необхо-

димы исключительно из соображений безопасности. С другой стороны, мы не можем сделать их слишком широкими, так что страны будут устанавливать меры, которые носят исключительно коммерческую цель» [14, с. 600]. На основе этих слов Л. В. Санникова делает вывод о том, что некоторая неопределенность была заложена в этой норме создателями намеренно, поскольку перед Всемирной торговой организацией не ставилась цель разрешения политических споров, в рамках которых страны используют экономические санкции. На самом деле роль ВТО заключается в исключении возможности введения ограничений по экономическим причинам, как это и было в случае со Швецией [15, с. 153]. П. Линдсей охарактеризовал туманную формулировку ст. 21 Генерального соглашения по тарифам и торговле как «конструктивную двусмысленность», которая обеспечивает относительно успешное использование нормы [16, с. 1312]. Данная трактовка представляется весьма логичной, учитывая постоянно возникающие политические конфликты, в которых невозможность государства защищать свою безопасность повлекла бы игнорирование таким государством решения Органа по разрешению споров или же выход из ВТО вовсе, что, очевидно, негативно бы отразилось на авторитете этой организации. Таким образом, Всемирная торговая организация абстрагируется от политических противоречий стран-участниц и выполняет свою главную задачу – создание единого глобального экономического пространства.

Однако подача иска в Орган по разрешению споров может принести России пользу и помимо вышеотмеченных «дополнительных политических очков». Как отмечается в доктрине, Европейский союз рассматривает подачу иска в Орган по разрешению споров как сигнал о желании вступить в серьезные переговоры, а не начало формального судебного разбирательства. Такой подход был продемонстрирован в споре ЕС и США по поводу Закона Хелмса – Бартона, когда ситуация разрешилась тем, что Соединенные Штаты пошли на уступки, а Европейский союз отозвал свой иск [17, с. 1336]. Другими словами, ни одна из сторон сложившегося конфликта не может рассчитывать на Орган по разрешению споров как на путь устранения притязаний по политическим мотивам. Но этот институт может служить основой для ведения переговоров и нормализации отношений.

²⁶ Ст. 12 Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г.

²⁷ Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации. Приложение № 2 Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров.

Выводы

Итак, следует сделать несколько ключевых выводов:

– введенные антироссийские санкции формально не нарушают норм ВТО, поскольку в этих нормах изначально была заложена функция исключения споров по политическим мотивам из ведения организации. То же относится и к российским ответным мерам, однако позиция Российской Федерации в этом вопросе является более выгодной;

– обращение России в Орган по разрешению споров, даже если решение будет вынесено в ее пользу, не сможет заставить США и ЕС снять санкции. Но в то же время такой шаг может послужить началом переговоров с целью достижения устраивающего стороны соглашения.

В результате проведенного исследования было выявлено отсутствие закрепленного соглашениями ВТО

понятия экономических санкций, в силу чего авторы предлагают следующую дефиницию: совокупность действий ограничительного характера в рамках экономической деятельности, используемых одним участником взаимоотношений (субъект санкций) по отношению к другому (объект санкций) и направленных на принудительное побуждение к корректированию выбранного политического курса. Подобные меры являют собой нечто среднее между дипломатическим «одергиванием» и более существенным насильственным вмешательством. Однако характер и степень интенсивности такого рода действий может быть различной и направлена на негативное воздействие и подрыв либо политического режима в целом, либо какой-нибудь стороны жизни государства, в частности экономики страны. При этом вопрос об эффективности и стоимости такого инструмента по-прежнему остается открытым.

Список литературы

1. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. 3rd edition. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007. 233 p.
2. Абдикарим Е. Экономическое санкционное право или реторсия // *Экономика, социология и право*. 2014. № 4. С. 166–168.
3. Логинова А. С., Травина Л. А. Сравнительно-правовое исследование деятельности Совета экономической взаимопомощи, Европейского экономического союза и Евразийского экономического союза // *Право и современные государства*. 2015. № 2. С. 47–59.
4. Гудков И., Мизулин Н. «Санкционная война» ЕС и России в свете права ВТО // *Право ВТО*. 2014. № 2. С. 46–52.
5. Dews F. NATO Secretary-General: Russia's Annexation of Crimea Is Illegal and Illegitimate // *Brookings*. 19.03.2014. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/brookings-now/posts/2014/03/nato-secretary-general-russia-annexation-crimea-illegal-illegitimate> (дата обращения: 01.02.2016).
6. Логинова А. С. Вступление России в ВТО в контексте сотрудничества со странами Таможенного союза // *Евразийский юридический журнал*. 2014. № 5 (72). С. 55–58.
7. Логинова А. С. Проблемы адаптации российского бизнеса к условиям ВТО // *Евразийская экономическая интеграция*. 2014. № 3 (24). С. 63–71.
8. Слащева И. А. Односторонние санкции членов Всемирной торговой организации: причины, побуждающие страны действовать за рамками органа разрешения споров ВТО // *Экономика, социология и право*. 2015. № 3. С. 65–68.
9. Михеева И. В. Баланс разрешительных полномочий органов исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов // *Административное право и процесс*. 2014. № 4. С. 35–39.
10. Логинова А. С. Проблемы адаптации российского бизнеса к условиям ВТО // *Безопасность бизнеса*. 2014. № 4. С. 16–20.
11. Гриб В. В., Егорова М. А. Правовые основания одностороннего введения экономических санкций в условиях действия законодательства ВТО // *Юридический мир*. 2014. № 12. С. 48–56.
12. Витцтум В. Г. *Международное право*. М. – Берлин: Инфотропик-Медиа, 2011. 992 с.
13. Smeets M. *Conflicting Goals: Economic Sanctions and the WTO* // *Global Dialogue*. Vol. 2. No. 3. 2000. URL: <http://www.worlddialogue.org/content.php?id=100> (дата обращения: 02.03.2016).
14. GATT Analytical Index: Guide to GATT Law and Practice. World Trade Organisation: Geneva, 1995. 1206 p.
15. Санникова Л. В. Экономические санкции и право ВТО // *Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности: сб. статей участников IV Ежегодной международной научно-практ. конференции, посвященной памяти заслуж. юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. Н. М. Коршунова / отв. ред. Ю. С. Хари-тонова*. М.: МАЭП, 2015. 352 с.

16. Lindsay P. The ambiguity of GATT article XXI: Subtle success or rampant failure? // Duke law journal. Vol. 52:1277. 2003. Pp. 1276–1313.

17. Spanogle Jr J. A. Can Helms-Burton Be Challenged under WTO // Stetson Law Review. Vol. XXVII. 1998. Pp. 1313–1340.

Дата поступления: 07.04.2016

Дата принятия в печать: 24.06.2016

Дата онлайн-размещения 29.12.2016

© Травина Л. А., Катусенко С. А., 2016

Информация об авторах

Контактное лицо:

Травина Лилия Андреевна, студентка магистратуры 2-го курса магистерской программы «Финансовое, налоговое и таможенное право», факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20, тел.: +7 (495) 771-32-32

E-mail: tlattv@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6661-3895>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-6453-2016>

Катусенко Сергей Александрович, студент магистратуры 1-го курса магистерской программы «Правовое регулирование экономического оборота», юридический факультет, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, тел.: +7 (831) 462-30-03

E-mail: stalsercat@hotmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0676-1452>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-7082-2016>

L. A. TRAVINA¹

S. A. KATUSHENKO²

¹ Scientific Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

² National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy, Nizhny Novgorod, Russia

LEGITIMACY OF ANTI-RUSSIA SANCTIONS AND RESPONSE MEASURES WITHIN THE MEMBERSHIP IN THE WTO

Objective: to determine the degree of legitimacy of the imposed anti-Russian sanctions and retaliatory measures from the point of view of the World Trade Organization, to assess the prospects of a possible recourse to the dispute settlement body.

Methods: this goal is achieved through both general and special scientific methods. The general scientific methods, used by the author, include induction, deduction, systematic method, synthesis and generalization. The author uses formal legal method for the interpretation of the law. In addition, the historical method is applied to the study of the history of economic sanctions.

Results: it was concluded that formally the imposed sanctions conform to the right of the World Trade Organization, though the provision that stipulates them is very extensive. In addition, it is argued that Russia's response can be justified by the same provision as the anti-Russian sanctions, but at the same time, the Russian position is more advantageous due to a number of other provisions of the World Trade Organization. It is also concluded that the positive prospects of resolving the conflict in the framework of the dispute settlement body are unlikely.

Scientific novelty: the article studies the law of the World Trade Organization and the national legislation of the parties to the conflict on the research question, analyzes a wide range of domestic and foreign scientific works, and proposes the author's definition of economic sanctions, which refers to the set of actions of restrictive nature in the framework of economic activities, used by one party (the subject of sanctions) against another (the target) and aimed at forced correction of their political course.

Practical significance: the basic provisions of the article can be used in the research activities on the legality of anti-Russian economic sanctions and retaliatory measures within the right of the World Trade Organization. In addition, the work may be of interest to practitioners and students of international law.

Keywords: International law; World Trade Organization; Economic sanctions; Response measures; Legitimacy; European Union; United States of America; Russian Federation

References

1. Hufbauer, G. C., Schott, J. J., Elliott, K. A., Oegg, B. *Economic Sanctions Reconsidered*, 3rd edition, Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007, 233 p.
2. Abdikarim, E. Economic sanction right or retorsion, *Ekonomika, sotsiologiya i pravo*, 2014, No. 4, pp. 166–168 (in Russ.).
3. Loginova, A. S., Travina, L. A. Comparative-legal research of the actions of Comecon, European Union and Eurasian Economic Union, *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 2015, No. 2, pp. 47–59 (in Russ.).
4. Gudkov, I., Mizulin, N. “Sanction war” of EU and Russia in the aspect of WTO legislation, *Pravo VTO*, 2014, No. 2, pp. 46–52 (in Russ.).
5. Dews, F. NATO Secretary-General: Russia's Annexation of Crimea Is Illegal and Illegitimate, *Brookings*, 19.03.2014, available at: <http://www.brookings.edu/blogs/brookings-now/posts/2014/03/nato-secretary-general-russia-annexation-crimea-illegal-illegitimate> (access date: 01.02.2016).
6. Loginova, A. S. Russia's joining the WTO in the context of cooperation with the Customs Union countries, *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2014, No. 5 (72), pp. 55–58 (in Russ.).
7. Loginova, A. S. Problems of the Russian business adaptation to the WTO conditions, *Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya*, 2014, No. 3 (24), pp. 63–71 (in Russ.).
8. Slashcheva, I. A. Unilateral sanctions of the WTO members: the reasons which make the countries act outside the WTO dispute settlement authority, *Ekonomika, sotsiologiya i pravo*, 2015, No. 3, pp. 65–68 (in Russ.).
9. Mikheeva, I. V. Balance of permissive authorities of the Russian and the Russian subjects' executive bodies, *Administrativnoe pravo i protsess*, 2014, No. 4, pp. 35–39 (in Russ.).
10. Loginova, A. S. Problems of the Russian business adaptation to the WTO conditions, *Bezopasnost' biznesa*, 2014, No. 4, pp. 16–20 (in Russ.).
11. Grib, V. V., Egorova, M. A. Legal bases for unilateral sanctions under the WTO legislation, *Yuridicheskii mir*, 2014, No. 12, pp. 48–56 (in Russ.).
12. Vittstum, V. G. *International law*, Moscow – Berlin: Infotropik-Media, 2011, 992 p. (in Russ.).
13. Smeets, M. Conflicting Goals: Economic Sanctions and the WTO, *Global Dialogue*, vol. 2, No. 3, 2000, available at: <http://www.world-dialogue.org/content.php?id=100> (access date: 02.03.2016).
14. *GATT Analytical Index: Guide to GATT Law and Practice*, Geneva: World Trade Organisation, 1995, 1206 p.
15. Sannikova, L. V. *Economic Sanctions and the WTO legislation, Law and Business: convergence of the private and public law in business regulation*: collection of works of the 4th Annual international scientific-practical conference in memory of an Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor N.M. Korshunov, Moscow: MAEP, 2015, 352 p. (in Russ.).
16. Lindsay, P. The ambiguity of GATT article XXI: Subtle success or rampant failure?, *Duke law journal*, vol. 52:1277, 2003, pp. 1276–1313.
17. Spanogle, Jr. J. A. Can Helms-Burton Be Challenged under WTO, *Stetson Law Review*, vol. XXVII, 1998, pp. 1313–1340.

Received 07.04.2016

Accepted 24.06.2016

Available online 29.12.2016

© Travina L. A., Katushenko S. A., 2016

Information about the authors

Contact:

Travina Liliya Andreyevna, 2nd year student of the magister program “Financial, Tax and Customs law”, National Research University “Higher School of Economics”

Address: 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, tel.: + 7 (495) 771-32-32

E-mail: tlattv@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6661-3895>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-6453-2016>

Katushenko Sergey Aleksandrovich, 1st year student of the magister program “Legal regulation of economic turnover”, National Research Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy

Address: 23, Gagarina avenue, Nizhniy Novgorod, 603950, tel.: +7 (831) 462-30-03

E-mail: stalsercat@hotmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0676-1452>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-7082-2016>

For citation: Travina L. A., Katushenko S. A. Legitimacy of anti-Russia sanctions and response measures within the membership in the WTO, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 4, pp. 166–175 (in Russ.). DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.4.166-175